

связывается с *latać* 'летать', хотя не исключено, что перед нами одно и то же слово, ср. сезонный характер течки у животных). Разумеется, нет большой беды и в тех вполне сознательных отступлениях от такого принципа, на которые автор изредка идет, как например в статье с заглавным словом — абстракцией *-lecic* (в живой речи представлено только в префиксальных сложениях *po-lecic* 'вверить', 'порекомендовать', *za-lecic* 'отрекомендовать с лучшей стороны', 'вверить', *za-lecić* 'поручить, доверить'; стр. 95—96). Есть отдельные статьи *latalec* (ст.-польск.) 'дьявол, черт' (стр. 65), *lataniec* (польск. диал.) 'дьявол, злой дух' (стр. 66) и *latawiec* 'бумажный змей' (ст.-польск. и диал.) 'злой дух', 'наваждение' (стр. 67). Здесь, пожалуй, вызывает возражение не разделная трактовка в виде самостоятельных статей, а то, что автор, кажется, прошел мимо явной вторичности форм *latalec* и *lataniec* в отношении к более древнему *latawiec* (последнее даже не упоминается под *latalec*).

В заключение — несколько частных замечаний по реконструкции и этимологии. На стр. 47 польск. диал. *lany* 'льняной' производится из праслав. **lъnъpъjь*. Возможно, автор имел в виду **lъnēpъjь*? Автор, видимо, уверен, что балтийское соответствие слов. **legt'i* 'лечь' отсутствует, судя по тому, что он в качестве противоположности этому славянскому слову приводит **sěsti* с наличием балтийских соответствий (стр. 93). Но ср. лит. (*pa)lēgti* 'положить', 'захиреть', а возможно также и лит. *ligā* 'болезнь' и его гнездо. На стр. 107 Славский относит к праслав. **jed-va* 'едва', собственно к его второй части, болг. диал., стар. *davā* 'ведь'. Но в последнем представлена дейктическая частица, ср. болг. *то-ва*, т. е. элемент с иной функцией и значением. Ср., возможно, к болг. *dava* — сербохорв. *đavor*, междометие, передающее жалость, угрозу, удивление, радость, которое толкуют из **da-evo-že*.

O. H. Трубачев

Petar Skok.

Etimologiski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Uredili akademici Mirko Deanović i Ljudevit Jonke, suradivao u prerađnjama i priredio za tisak Valentin Putanec; knj. I, A—J. Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti.

Zagreb, 1971.

Среди книг, ожидаемых с нетерпением более десяти лет не только славистами, но и языковедами других дисциплин, почти несомненно, первое место принадлежит этимологическому словарю Петра Скока. Автор умер еще в 1956 г., и после него осталась обширнейшая рукопись славянского этимологического словаря, которая в печатном виде займет три тома словарного формата, набранных петитом, с четвертой частью — индексом. В целом это будет почти в три раза больше, чем словарь Фасмера. Уже первая книга А—J содержит 788 страниц. Необыкновенно плодовито и богато наследие Петра Скока, при жизни которого вышло более пятисот книг, трудов, статей и рецензий в области романистики, balkанистики, ономастики, а также славистики и германистики, что принесло ему европейскую известность. Этимологический словарь знаменовал бы собой полный синтез всего его жизненного труда, и югославским языковедам следует неустанно разъяснять менее информированным зарубежным коллегам, почему, однако, словарь так долго не выходил.

Скок, по собственному признанию, собирал материал для своего словаря около сорока лет. Это были по большей части стенографические записи и выписки, которые в повседневной работе откладывались им в особую картотеку. Еще во время второй мировой войны, когда Скока отстранили от работы в университете, у него появилось достаточно времени, чтобы приступить

к систематическому пополнению своих записей. В 1948 г. он уже сделал публичную заявку о своем словаре. Но тяжелая болезнь — рак желудка — поставила его перед необходимостью торопиться. В последние годы его жизни мы должны были удивляться силе воли Скока: ведь он создавал словарь в драматической борьбе со смертью вплоть до самой агонии. В 1954 г. он пожаловался мне, что должен рассчитывать каждый час, чтобы все свои стенографические записи привести для своих сотрудников в удобочитаемую форму.

Поэтому к моменту смерти Скока рукопись словаря объемом более десяти тысяч страниц оставалась еще не подготовленной к печати. Осталось множество стенограмм, комбинированных из различных систем, которые впоследствии расшифровал д-р Љлаж Юришич. Среди материалов Скока были и многократно по-разному переработанные словарные статьи, и всего лишь бесформенные заготовки. Югославская академия в Загребе, которая через некоторое время приобрела рукопись у наследников Скока, со всем необходимым писетом приступила к реконструкции окончательного текста словаря. Ассистент Скока и позднее научный сотрудник института языка ЮАН д-р Валентин Путанец сверил весь этот огромный материал и подготовил к печати. Хотя очень небольшая редакция ЮАН, составленная из ведущих хорватских языковедов, в течение этих лет неоднократно меняла свой состав, она сохранила верность первоначально принятому решению: пусть словарь, насколько это возможно, останется верным отражением личности Скока, не будучи обязательным последним словом в развитии славянской и сравнительной лексикологии. Редкие позднейшие поправки, дополнения и наблюдения внесены в текст в квадратных скобках.

Это по существу хорошее начинание имеет, к сожалению, и свои слабые стороны. За последние пятнадцать лет славянская лексикология получила такой широкий размах, что можно было бы говорить о ее возрождении. В целом до сих пор южнославянская лексика неполно и довольно поверхностно учитывалась в сравнительной научной литературе. До сегодняшнего дня единственным сербохорватским этимологическим словарем были «Корни» Даничина 1877 г., труд, очень устаревший даже по сравнению с «Этимологическим словарем славянских языков» Миклошича 1886 г. Позднее никто больше систематически не занимался анализом лексики; благодаря ревностному труду Скока развились дисциплина, которой так долго пренебрегала южнославянская славистика. Он хотел создать свою школу и иметь своих последователей в лексикологических исследованиях. Скок всегда находил время, чтобы прислушаться к мнениям своих младших коллег всех южнославянских народов, и потом тщательно изучал их идеи. Положение редакции ЮАН крайне осложнялось тем, что в течение пятнадцати лет младшему поколению сербохорватских сотрудников не разрешалось вносить в рукопись словаря Скока новейшие идеи из зарубежной лексикологической литературы, еще меньше собственные дополнения и мнения. Нигде и никогда писет даже перед таким признанным авторитетом не должен задерживать развития науки, а пятнадцать лет отставания при теперешней активности славянской лексикологии уже довольно ощутимо дают себя знать. ЮАН следовало бы запланировать еще пятую книгу дополнений и поправок, чтобы тем самым воодушевить младшее поколение научных сотрудников, выросшее в период освоения наследия Скока. Заслуживает упрека и очень маленький тираж: 30 тыс. экземпляров — только малая капля в море современных славистических и компаративистских нужд.

Но и такой, каким он является, этимологический словарь Скока занимает совершенно особое место среди славистических работ этого рода. В нем чувствуется стремление охватить как можно больше слов, которые когда-либо и где-либо были зарегистрированы на сербохорватской земле. Скок является специалистом по всем пластам языкового субстрата и адстрата на Балканах. При первом поверхностном знакомстве со словарем славист особенно в праве спросить, является ли вообще сербохорватский язык славянским языком: так редко рассыпаны по словарю славянские заглавные слова. Они, как пра-

вило, очень обширны и прямо переполнены материалом. Только опытный этимолог, не найдя, напр., в словаре Скока статьи на *grôzde* 'uva', посмотрит также *grana*, где рассмотрены все этимологически родственные слова. Это снижает практическую пользу словаря, который должен служить различным потребностям языковой культуры. Потребуются довольно обширные индексы, чтобы облегчить поиски нужных слов.

Каждая словарная статья Скока представляет краткий, сжатый, но интересный анализ, полный не только оригинальных мыслей и наблюдений, но и фонетических, семантических сравнений и экскурсов в область других лексических групп. Скок обычно ограничивается приведением только одного толкования, при этом он обращает внимание на возможность сомнения, но никогда, однако, не полемизирует с различными взглядами в научной литературе. При подаче сербохорватского материала он указывает в скобках источники и локализацию отдельных форм, вся другая литература сосредоточена в конце каждой словарной статьи, не взирая на то, будут ли это только практические словари, как напр. словенский словарь Плетешика, или этимологические словари и периодическая научная литература, которая нередко очень отличается от взглядов Скока. Это, видимо, является следствием метода, избранного Скоком. Он торопился привести в порядок свои записи и закончил их намного раньше, чем его единственный помощник успел собрать по библиотекам доступную документацию. Поэтому кажется, что эти цитаты по большей части только механически прилеплены к выводам Скока.

Такой способ цитирования научной литературы, определенно, не самый лучший, но в сочетании с различными другими этимологическими словарями поможет полностью реконструировать определенную проблему. Возьмем напр. слав. *duma* 'мысль', которое обычно производят из гот. *dōms* 'решение, мнение'. Этую этимологию поддерживает также Скок¹, приводя важные сведения о распространении этой основы на сербохорватской территории. На крайнем востоке это с.-хорв. *dūmat se* 'говорить, беседовать, представлять, воображать себе' (Космет, Моравская Сербия), на западе в Далмации — *dūmati* 'воображать себе, представлять себе', *dumīnjati* (Далмация) паряду с *dumrijati* 'скрывать в себе боль'. Между тем как Фасмер² приводит наиболее важную литературу по этой этимологии и при этом цитирует ряд авторов, которые связывают слав. *duma* с *dymъ*, что не согласуется с его мнением. Скок не упоминает этого мало вероятного объяснения, тогда как в литературе приводит Младенова, РГВ, LXII, 260, который защищает эту отвергаемую теорию. Ни Фасмер, ни Скок не упоминают Отрембского³, который считал, что слав. *duma* получилось в результате метатезы из **mud-* (*myslb* < **mūdsli*). К этому мнению с живым интересом относился Махек в обоих изданиях своего этимологического словаря, и при этом он опирался также на Г. Якобсона⁴, который производит, правда, из **dheu-*, связывая *duma* с ц.-слав. *odъmēti* 'respondere'.

В словенском *dumati* засвидетельствовано только в Резии. Скок этого не отмечает, поэтому нас удивляет в цитируемой литературе ссылка на словенские источники⁵. Ц.-слав. *odъmēti* паряду с с.-хорв. *odmelo* 'cognomen' сохранилось только в словен. *odmēti*, *odmēt*, *odmēvati*, *odmēvat*, *odumēti* и *odmēv*, *odmēh*, *odmih*, *odum*, *odumenje*, *damelj*, *odamēlj* 'эхо'. Тогда как в за-

¹ Skok I, стр. 456.

² Vasmeg I, стр. 380.

³ J. Otrebski. Indogermanische Forschungen. (=Rozprawy i materiały wydriatu I towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie, X, 3). Wilno, 1939, стр. 112.

⁴ G. Jacobson. 'Hauch', 'Wort' und 'Gedanke' im Slavischen. «Studia slavica G. Gunnarsson sexagenario dedicata», I. Göteborg, 1960, стр. 35.

⁵ J. Šuman. Duma. «Dom in svet» XXI, 11. Ljubljana, 1908, стр. 520.

падных словенских наречиях в значении 'эхо' представлены *majek*, *majnik*, *malic*, *malik*, их можно было бы объяснить метатезой *dъm-*: *mъd-*. У старейших карпантских авторов засвидетельствован глагол *dimljati*, *dimljevati* 'предполагать', *dimljanje* 'предположение', *dimljiv*. 'подозрительный', что указывает на ступень *dym-*. С привлечением словенского материала идея Отрембского и Махека заслуживает серьезного внимания в славистике.

Конечно, вокруг слов. *duma* накопилось столько научной литературы, что в полном объеме ее мог бы охватить и критически освоить только широко задуманный и обширный сравнительно-этимологический славянский словарь. При этом следует иметь в виду, что на современном этапе исследования для длинного ряда славянских слов нельзя без некоторого риска решить в пользу только одного объяснения. Даже собирание научной литературы специально по любой лексикологической проблеме приобретает особую остроту в славистике. Для этих целей необходимо было бы специальное научное издание. К сожалению, в настоящий момент ни один славистический центр не располагает достаточно исчерпывающей и своеобразной информацией, чтобы взять на себя инициативу подобного начинания. Несомненно, что и при том способе цитирования литературы, который принял Скоком, специалист найдет некоторые важные указания, на которые он сам мог бы не обратить внимания.

Словарь Скока разочаровывает тем, что поиски отдельных лексем безнадежны. Так напр. он пропустил с.-хорв. фитоним *divizma*, *divizmina*, *divizna*, *diviznina*, *divina* 'Verbascum', болг. *дивизна*, *дивизма*, словен. *devin*, *divin*, чеш. *divizna*, *divina*, *děvina*, слвц. *divizna*, польск. *dziwizna*, *dziwanna*, *dziewina*, *dziiewanna*, в.-луж. *džiwigzna*, русск. *дивана*, *девина*, *деванка*, укр. *дивина*, *дивенна*, блр. *дзвіванна* 'Verbascum'. Дакийское *διέσεμα* 'Verbascum' Диоскурида делает этот трудный славянский фитоним таким интересным, что это было первое слово, которое я искал у Скока. Меня интересовала его точка зрения. Между тем южнославянские авторы склоняются к мысли, что это фракийский субстрат в славянских языках⁶, на севере думают наоборот, что фрак. *διέσεμα* старое заимствование из славянских языков⁷. Искль производит фракийское имя из и.-е. **dies eusmn*,ср. нем. *Himmelbrand* 'Verbascum'⁸. Оптич предполагал дои.-е. **di-(u)es-sa-ma* < праи.-е. **di-wers-*'огонь'⁹. Так же Георгиев принимает индоевропейскую этимологию¹⁰. Славянские авторы на севере исходят, разумеется, из славянских основ. Мошинский¹¹ и Славский¹² производят от слав. *divъ*, т. к. Verbascum растет только на неплодородных камених глыбах. Махек во втором издании словаря¹³ отказался от своего прежнего вывода¹⁴ и присоединился к мнению Мареша, который выводит из *dives* < *div- + -ma* 'магическое растение'. Трудно понять, почему Скок обошел такую интересную проблематику.

⁶ V. Tomasek. Die alten Thraker. II, 2, стр. 22—36; H. Baric. Linguisticke studije. Sarajevo, 1954, стр. 34; D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, стр. 546.

⁷ L. Niederle. Slovanské starožitnosti, II. I. Praha, 1906, стр. 167—169; F. Mareš. Slovanské názvy rostlin u Dioskurida Anazarbského? «Vzniak a počátky Slovanů», III. Praha, 1960, стр. 7—14.

⁸ M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, XIII. Berlin, 1924, стр. 296a—297b.

⁹ K. Oštir. — «Archiv za arbanasku starinu» II. Beograd, 1923, стр. 272.

¹⁰ БЕР, стр. 385.

¹¹ K. Moszyński. Uwagi do 5 zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego». Fr. Sławskiego i uzupełnienia uwag poprzednich. — JP XXV, 2, стр. 126.

¹² Śląski I, стр. 198.

¹³ Machek², стр. 119.

¹⁴ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 209; Machek¹, стр. 88.

Насколько можно судить по первому тому без индекса, фитонимы в словаре Скока по сравнению с другим лексическим материалом несколько слабее исследованы. Но читатель не должен спешить с выводами. Так напр., я напрасно искал для 'Hyoscyamus niger' словарные статьи на *bân*, *bûnika* из **bēln̥* или хотя бы на более редкие западные сербохорватские рефлексы *blen*, *blem* из **bēln̥*, но совершенно неожиданно нашел полное освещение проблемы под наименее известным сербохорватским названием *balam*, *balan*. Скок не знал удовлетворительного объяснения, поскольку возможность венгерского посредства не имеет доказательств. Но для Скока характерно то, что как раз такие неожиданные формы больше всего привлекали его внимание. С определенностью можно сказать, что Скок не принял во внимание даже такие романские заимствования, как с.-хорв. *cingola*, *cimbola*, *cindolica* при словен. *cingulja*, *cindulka*, *sidolka*, *senodolka* и даже *kemanica* из ср.-лат. *caelidonia* 'Chelidonium'. Очень внимательное изучение приведенной выше литературы, которая была в распоряжении Скока приблизительно в 1950 г., кроме того, часто очень трудная проблематика фитонимов, требующая в большинстве случаев сотрудничества с опытным биологом, и чрезвычайная поспешность, с которой Скок заканчивал свой большой труд, оправдывают такие проблемы, из-за которых словарь не утратил однако своей ценности.

Как словенцу, мне очень приятно, что Скок родился в нескольких километрах от словенской границы и был несколько лет профессором романистики в Люблянском университете, что из всех славянских языков наибольшим его вниманием пользуется словенский. Конечно, при этом он непоследователен, да иначе и быть не могло. Однако, если к локальному сев.-зап. с.-хорв. ихтионому *frilj* 'небольшая речная рыба' приводится в качестве единственной параллели словен. *fril*, род. п. *frila* 'Leuciscus aspius', то этого все же мало. В словенско-немецком словаре Плетеरшника непосредственно перед *fril* можно было бы прочитать также словен. *frigelj*, *frigeljc* 'Leuciscus phoxinus'. При этом такой романист как Скок должен был бы подумать об ит. *fregaruolo* 'Leuciscus phoxinus', которое перешло в прованс. *fregolh* и франц. *freguereul* 'Leuciscus phoxinus'¹⁵. Но если словен. *fril* и с.-хорв. *frilj* получены из ср.-в.-нем. *pfrille*, *pfrill*, *pfril* 'Aspratilis, Pelanus'¹⁶, то Скок мог бы пояснить нам еще не объясненное отношение между романским и германским ихтионимом.

При сопоставлениях со словенским Скок не колеблясь ставил на первое место словенское слово. Таково, напр., словен. *bînec* 'двухлетний ягненок' и 'шаловливый, резвый мальчик' в сравнении с с.-хорв. чак. *bîna* 'вид хлеба, который делится пополам'. Для словен. *bînec* Скок исходит из лат. *bîmus* 'двухлетний', фриул. *bîme* 'двухлетний ягненок', итал. диал. *bimba* 'двухлетняя коза'. Скок не приводит научной литературы, тогда как Перушек¹⁷ и Трубачев¹⁸ выводят из лат. *bîni* 'двойной'. Отсюда у Скока древнее венец. *bina* и фриул. *bine* 'piccia di pani', которое дало чак. *bîna* (Раб.). Но словен. *bînec* 'резвый мальчик', по Скоку, из исконного словен. ономатопеэт. *bîncati* 'брывкать, ударять ногой', *bîncelj* 'нижняя часть ноги у лошади или коровы'. Несомненно, следует отдать предпочтение мнению Скока. Можно было бы привлечь еще словен. *bîmbo* 'неумный, ограниченный мальчик', которое тесно связано с итальянской исходной формой.

Так же словен. *hrétili se* 'внушать отвращение, быть надутым' вынесено у Скока в качестве заглавного слова, которое он, однако, оставляет без объяс-

¹⁵ М е у е г — Lübk e, стр. 3501; W a r t b u r g III, стр. 783.

¹⁶ M. Lex e g. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch, II. Leipzig, 1876, стр. 264.

¹⁷ R. Perušek. Beiträge zur Etymologie slovenischer Wörter und zur slovenischen Fremdwörterkunde. — AfslPh XXXIV, 1912, стр. 26.

¹⁸ О. Н. Т р у б а ч е в. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 78.

нения, но приводит его, чтобы обратить внимание на старый хорватский перевод слов Мартина Лютера *über deine zarte Kinder 'naad' Tvojom razhrećenom dicom*. Мы только можем быть благодарны редакторам словаря Скока за то, что они, не колеблясь, сохранили в оригинале словенские заглавные слова, несмотря на тот факт, что напр., словацкие слова в качестве заглавных в первом издании этимологического словаря Махека вызвали такую бурю в словацкой критике.

Естественно, не всегда можно согласиться с объяснениями у Скока словенских лексических особенностей. Так, он отмечает при с.-хорв. *guša* 'зоб' из вульг. лат. *geusial*, что словен. *gólša* 'зоб' является результатом контаминации *guša* и *glžati*. Следовало бы принять во внимание всю лексическую группу в целом. Кроме *guša*, *goža* и *golžan* 'зоб', словенскому также известны глаголы *zagólniti*, *zagólsniti* 'насытиться, наполниться', *gózati* 'есть без аппетита', *gózniti* 'попробовать, отведать', *gúzati* 'жевать без зубов'. Им родственно слвц. *glg* 'глоток', *glgat* 'бормотать, качаться'¹⁹. Далее сюда же относится лтш. *gulgát* 'кричать', *gulgátiès* 'давиться, с трудом глотать', *guldzít* 'жадно есть, делать большие глотки'. Некоторые авторы сравнивают с нов.-в.-нем. *kolken* 'кричать', дат. *kulk* 'пасть, глотка'²⁰, другие — с норв. *gulka* 'нагрузить, наполнить', швед. диал. *gylka* 'глотать, давиться'²¹. В словенских наречиях в значении 'зоб' найдем также *gónda* (Горица, Резия), но такой формы не найдем в соседних романских говорах. На основании лит. *gúžę*, *gúžys*, диал. *gupžys* 'зоб', ст.-прусск. *gunsix* 'опухоль'²² можно и для словен. *goža*, *gonža* предположить исходное **gožia*, т. обр. не производя его только из итал. *gozzo*, венец. *gosso* и фриул. *gose* 'зоб, пасть'. Исходя из словенского, можно было бы утверждать, что с.-хорв. *guša* не является таким бесспорным романизмом, как болг. *guša* и макед. *guša*.

Представляется также совершенно невероятным, чтобы словен. *šül*, *šúlav* 'с маленькими ушами' было заимствовано из с.-хорв. *číllav* наряду с *číllav* то же, а это, в свою очередь, из рум. *cíul* то же. Сербохорватский синоним *číbrast* (Черногория) довольно убедительно говорит в пользу возможного славянского наследия из и.-е. **keu̥-b-*, ср. др.-инд. *kubra* 'серъга, углубление'. Из этой же основы с.-хорв. *čubiti* 'compingere se ad terram' (Линка). Для болг. *číl* Младенов, по-моему, правильно предполагает и.-е. **keu̥-*, **koču̥* 'гнуть, сгибать'²³. Скок, собравший весь этот материал под словом *číbra*²⁴, некритически последовал за Крынджалой²⁵; но, видимо, рум. *cíul*, как и венг. *czula* и даже тур. *cula* 'без ушей, с маленькими ушами', заимствованы из славянских языков, ср. также укр. чулий и слвц. *čula* (< венг.). Рум. *cíuli* 'поднимать уши' соответствует с.-хорв. *číliti* 'навострить уши' и словен. диал. *číliti* то же. Можно исходить из и.-е. **keu̥-lo* или **keu̥-t-lo*, ср. лит. *kiaūsti* 'приостановиться в развитии, прийти в упадок'. Словен. *šül*, *šúlav* и глагол *šúliti* se 'пробираться в согнутом положении' при с.-хорв. *šuljati* 'наклоняться' указывают на аспирированную экспрессивную форму **kheu̥-t-lo*. Подобное же отношение между словен. *húliti* se 'наклоняться', с.-хорв. *húliti* se, *húlati* se, диал. *hulít* 'навострить уши', чеш. *chouliti* se, слвц. *čhúlit'sa* и словен. *kúlj*, *kúljav*, *kúljast* 'без рогов, с согнутыми рогами', укр. *кулити*, блр. *кульяцься*, польск. *kulić się* 'сгибаться, стягиваться', болг. *кулав* 'с парализованной рукой', русск. *ку-*

¹⁹ В е г н е к е г I, стр. 367; иначе М а ч е к¹, стр. 116, предполагает ономатопеэт. образование.

²⁰ E. Z up i t z a. Die germanischen Gutturale. Berlin, 1896, стр. 148; A. Be z e n b e r g e r. Etymologien. — BB XVIII, 3—4. 1895, стр. 268.

²¹ M ü h l e n b a c h — E n d z e l i n I, стр. 677.

²² F r a e n k e l 3, стр. 179.

²³ М л а д е н о в, стр. 681.

²⁴ S k o k I, стр. 339.

²⁵ D. C r á n j a l a. Rumunské vlivy v Karpatech. Praha, 1938, стр. 244.

лявый 'хромой'. Словенский знает также *šilasto gledati* наряду с *na hilje gledati* 'косить глазами, смотреть косо' при с.-хорв. *hiliti*, *hiljati* то же.

Скок приводит под отдельными заглавными словами большой материал, но проблема в целом им не осознавалась. Возможно, в славянских языках произошло смешение нескольких различных основ, хотя во всех приведенных примерах можно исходить из общей исходной формы. Отношение между *-ch-* и *-k-* и между *-s-* и *-c-* в подобных примерах с этой основой объяснил Петерссон из экспрессивного начального *kh- ~ k-*²⁶. В Трудах АН Боснии и Герцеговины²⁷ я попытался объяснить отношение между *-c-* и *-s-* двойным праславянским рефлексом *keu- как *či- и *cī-. Также др.-русск. двойные формы очжити, очюжити или очстити, очютити появляются только в случае рефлексов дифтонга *-eμ-*, хотя здесь развитие шло иным путем, чем в сербохорватском.

Скок отмечает в статье на *čúbra* также *čula* 'некая пастушеская игра' (Бачка), в Сербии эта игра называется *krmaca*, словен. и частично также с.-хорв. имеют для этой игры гл. *svinjkati se*. При этом он опускает с.-хорв. диал. *čulanje* 'некая пастушеская игра' и гл. *čulati se* (Лика), словен. *čulek* 'поросянок'. Лит. *kiaūlė* 'свинья' и такое же название пастушеской игры *kiaūlę varýti dvāran*,ср. русск. *городки*, несомненно, являются случайным омонимом с с.-хорв. *čūlav*, *čūlav* 'с маленькими ушами'. Поскольку представлено и с.-хорв. диал. *čūka*, *čūka* 'овца без ушей' (Лика), что Скок не забывает упомянуть, нас все же удивляет, что для этой лексической группы он предлагал романскую этимологию.

К части Скока следует признать, что во многих подобных случаях, когда под одним заглавным словом называется множество таких слов, он распределяет материал по семантическим группам и допускает, по крайней мере, возможность омонимии. Так напр., в словарной статье на *čāša* с богатыми и интересными сведениями о распространении этого слова в балканских языках, вызывает однако сомнение, что с.-хорв. *iščašiti*, *iščašiti* 'вывихнуть' из той же основы. На основании синонимов *iščesnuti*, *iščeviljati* он заключает, что произошла контаминация слов *čaša* и *česati*. Еще Махек во втором издании своего словаря²⁸ обратил внимание на ст.-чеш. *čiecha*, *čěcha*, *češka*, *čěška*, *čiška*, *češka* 'суставная чашка', которые он связывает с лит. *kiškà*, лтш. *ciska* 'подколенная впадина, бедро, ляжка' и голл. *hijze*, *hijis* 'подколенная впадина'²⁹. Махек, не учитывая южнославянских параллелей, предполагал реконструкцию **češcha* с первичным кратким *-e-*. В словен. в значении 'подколенная впадина' представлено также *šiška* (< **čiška*), в зап. с.-хорв. *čanak* и в макед. гл. *iščanci* 'вывихнуть'. Последнее фонетически трудно связать с лит. *kenklē*, лтш. *ciῆca*, *cinksta*, *cinkslis* 'икра ноги', *cimsla*, *cimslis* 'большое сухожилие в сгибе колена'. Если присоединить к ним греч. *ἰσχίον* 'вертлюжная впадина таза' из **skis-*, то, естественно, придется отбросить все прежние попытки этимологизации этих слов и поискать общую исходную форму с учетом южнославянского материала.

Поколение южнославянских лингвистов, к которому принадлежал Скок, еще не осознавало, какое важное значение имеет еще научно не освоенная южнославянская лексика для решения проблем славянской языковой прародины. Они даже не подозревали, сколько южнославянских параллелей с балтийской языковой группой, параллелей, которые совершенно неизвестны севернославянским языкам или которые в лучшем случае находим в виде незначительных следов в том или другом локальном наречии. Словенские,

²⁶ Petersson. — KZ XLVII, стр. 277.

²⁷ F. Bezlaj. Slovenski jezik v luči leksikologije. — «Radovi XXXV odjeljenje društvenih nauka. Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine», knj. 12. Sarajevo, 1969, стр. 87 и далее.

²⁸ Machek, стр. 101.

²⁹ BUGA. Rinktiniai raštai, II. Vilnius, 1958, стр. 286.

сербохорватские и болгарские этимологи для отдельных южнославянских локализмов искали происхождение в соседних неславянских языках и при этом удовлетворялись неопределенными фонетическими субSTITУЦИЯми и сомнительными семантическими связями. Они не подумали, сколько богатого материала для реконструкции старых ступеней чередования и ряда других пока еще неясных явлений в праславянском грамматическом развитии сохранилось у южных славян. Поэтому даже такой точный исследователь лексического адстрата, каким был Скок, не раз ошибался.

Уже тот факт, что в довольно богатой научной литературе, использованной Скоком, тщетно мы будем искать такую работу, как, напр., Латышско-немецкий словарь Мюленбаха — Эндзелина, показывает, что славистические проблемы, к числу которых, несомненно, принадлежит проблема балто-славянского родства, не привлекали серьезного внимания Скока. В период между обеими мировыми войнами, а точнее между выходом в свет словарей Бернекера и Фасмера, этимологические комментарии Эндзелина к лексическому материалу Мюленбаха являются важным безошибочным источником информации также для слависта — лексиколога. Кто занимался южнославянской лексикой, должен обратить внимание на многочисленные параллели, которые до сих пор не были отмечены научной литературой. Так напр., Скок связывал этоним *Bъlgarinъ*³⁰ с сев.-зап. с.-хорв. *bъgariti* 'жаловаться, петь скорбные песни', *obъgariti* 'оплакивать мертвого', *bugarštica* 'вид народной песни' и также, видимо, *bugarija* 'вид домры', записанное в 1670 г. *bulgaria* через балкан. тур. *bulgari* наслилось на этоним *Bъlgarinъ*. Глагол *bugáriti* в значении 'кричать, вопить' засвидетельствован также в юго-западных словенских говорах. Молодая словенская исследовательница недавно обратила внимание на то, что между лтш. *balgs*, *baldzinât* 'оклеветать, очернить' при *balk*, *balksnis* 'звук, голос' и *bildēt*, *bildinât* 'говорить, сказать' такое же отношение ступеней чередования, как между словен. **blag* 'титул важного сановника в древнем карантанском государстве', засвидетельствованным только в топонимии (980 *Blasindorf*, 1440 *Blasendorf*, *Ambstmansdorf*) и **bъlgariti*, образованным как словен. *kuhariti* при *kuhati*, с.-хорв. *vucariti se* (Дубровник). Крестьянин, а точнее *kosez*, который по известной традиции вводил на престол карантанского князя, в 1414 г. носит имя *Schatter*, сохранившееся в современной фамилии *Cater*. Из-за макед. *čati*, *počati* 'читать' не можем поверить сербохорватским грамматикам и Скоку³¹, что с.-хорв. *čatati*, *čatiti* 'читать' развились из **čъlati*. Словен. диал. *čatiti* значит 'боромотать молитвы' (Бела Краина), и Скок приводит такжеbosнийский локализм *čatrlj* 'поп'. На словенской территории Каринтии не могло -a- произойти из -ь-, и если мы объясняем **cater* как тот, который произносит ритуальный текст, то должны исходить из дублетов *(s)kēt-/*(s)keit-, ср. лтш. *pâtarus skaitit* 'произносить заповедь'. Оба термина, словен. **blag* и **čater*, были обозначением некоторых функций в организации косезов, нем. *Edlinger* и оба эти термина можно объяснить принадлежностью к сфере риторики. Следы косезов в топонимике засвидетельствованы в Лике. Ступень чередования **bъlgarbъ* 'певец скорбных песен' была связана с этой географической областью.

Если бы Скок принял во внимание македонскую лексику, то, помимо зап. с.-хорв. *cih*, *ciu* 'spiritus, flotus' и глагола *cihniti*, *cihnem* 'дуть', он должен был отметить также макед. *tuši* 'дуэт' и словен. *čihati*, *čiham* 'съеживаться (когда что-либо тушится, парится)' и укр. *mýchnuti* 'садиться, спадать (об опухоли)', польск. с назальным *tęchnąć* то же наряду с *cisch* 'нюх, острое обоняние'. В данном случае имеем дело с праславянскими дублетами **tjuch-* и **tuch-* из **teus-*, связь с *čuti* из **geu-*³² неубедительна, вопреки Бернекеру и другим авторам, указанным в приведенной литерату-

³⁰ Skok I, стр. 229.

³¹ Skok I, стр. 330.

³² Skok I, стр. 344.

туре 33. Скок приводит дублеты *čih* и *čiv* наряду с *čih* и *čiv*, объясняет их проникновением в сферу ономатопоэтических образований. Хотя и заманчиво объяснить этот случай таким же образом, как и предыдущие *čulav* и *čulav*, речь все же может идти только о контаминации слов.

Скок еще не имел в своем распоряжении довольно полных источников македонской лексики. Но и богатый словенский словарь Плетеरшника, который столько раз добросовестно цитируется, не использован им достаточно тщательно. Скок пропустил, напр., словен. имперф. гл. *ščežeti* 'бежать согнувшись'. Встретившись с такой архаичной формой и ее значением, исследователь невольно подумает, что с.-хорв. *iščeznuti*, *iščezávati* и русск. *исчезнуть* должны произойти из **jyz-sčežniti*, а *čežniti* получилось в результате неправильного переразложения этой основы. Словенская форма по значению обнаруживает неожиданное соответствие в англос. *sceasan* 'трясти, спешить, уходить, убегать', др.-сакс. *skakan* 'бежать, убегать', др.-исл. *skaka* 'махать', которые производят из **skeg*³⁴, но с той же вероятностью могли бы вывести из **skeg*-³⁴. Скок также приводит др.-с.-хорв. 16 в. *čězati* 'погибать от страха'.

При общеслав. *skočiti*, *skakati* 'прыгать, скакать' из **skok-* балтийские языки имеют исходную основу **sk'ok-* или с метатезой **ksok-*³⁵;ср. лит. *šokti* 'прыгать' при *kuokinė* 'вечернее развлечение', а также *šokti* 'начинать', *šokùs* 'бодрый, веселый', лтш. *sākt* 'начинать', также лит. *šok(d)inti* 'принуждать, побуждать, брать в руки'. Еще более неожиданно семантическое развитие синонимичной основы **skēt-*, ср. лит. *skästi* 'прыгать, торопиться ч.-л. сделать', *skatýtis* 'становиться внимательным, оглядываться', *skätiinti* 'подгонять, побуждать, разбудить', *skökötis* 'заботиться, быть озабоченным, стараться, осматриваться', лтш. *skattit* 'внимательно смотреть', *skatigs* 'живой, внимательный, бдительный'. Им семантически точно соответствуют сев.-зап. с.-хорв. *skozan*, *skozniv*, *skoznovit* 'бодрый, бдительный, внимательный, заботливый' (Загорье), *skoznik* 'ночной сторож', *skozno spava* 'чутко спит' (Далмация), гл. *skoznovati*, кайк. *skoznivati* 'бодрствовать, наблюдать, заботиться'. Из словенских наречий только прекмурское знает эту основу: *skōzniti*, *skoznovati* 'бодрствовать, бдеть, наблюдать, беспокоить', *skōzen*, *skozniv* 'бдительный, заботливый', *skoznovanje* 'бодрость'. В данном случае можно исходить только из чередования **skog*-/**skeg*-³⁶. Френкель разбирает подобные семантические переходы на материале других основ в различных индоевропейских языках³⁶. Большинство авторов производит слав. **čežniti* из и.-е. **skueg*-³⁷, связывая чередованием со слав. **kaziti* 'портить', что не находит нигде семантических параллелей, и до сих пор многие авторы возможность этой связи ставят под сомнение.

Это только один из многочисленных примеров того, как полезен подробный анализ южнославянской лексической группы для решения вопросов общеславянской проблематики. К сожалению, пройдет еще несколько лет, прежде чем мы узнаем, как Скок объяснил с.-хорв. *skozan*. Много интересных моментов из области семантики я не нашел в богатом материале Скока. Таково напр. с.-хорв. диал. *čelo* 'день, 12 часов', *dan i noć su dva čela* (Рисань, Бока Которска). Поскольку в соседней Черногории известен апел. *kölje* 'время, свободное время', *dökolica* 'свободное время, досуг', который несколько неубедительно производят от местоименной основы *kolč*, *koli* 'quantum'³⁷ и при этом никем не принимается во внимание *čelo*, можно думать,

³³ В е г н е к е г I, стр. 162.

³⁴ Р о к о г р п у I, стр. 923.

³⁵ F r a e n k e l 13, стр. 1021.

³⁶ E. F r a e n k e l. — ІF XLIX, стр. 205.

³⁷ В е г н е к е г I, стр. 674; В а г и ё — «Prilozi za književnost, jezik i istoriju i folklor», XV. Beograd, стр. 287; I. Р о п о в и ё. Geschichte der serbokroatischen Sprache, Wiesbaden, 1960, стр. 540.

что это славянский архаизм из и.-е. **quel*- 'далеко по месту и времени'. При современном знании особенностей южнославянской лексики и ее архаизмов нас не должно смущать то, что эти основы не прослеживаются в других славянских языках. Однако новые диалектные словари в разных частях славянского мира постоянно приносят южнославянскому филологу новые неожиданности.

У Скока, напр., я напрасно искал под словом-статьей *gñida* 'lens, гнида', с.-хорв. *gnidica* 'очень мало' (Дубровник). Этому значению не соответствует не только словен. *gnida* 'мелочь, кусочек, маленький человек', но и кашуб. *gnida* 'маленький человек, мелкий картофель'. В германских языках для и.-е. **ghneidh-* засвидетельствовало порв. *gnitta* 'кусочек', *gniter* 'нечто очень маленькое', дат. *gnit* 'кусочек', вост. фриз. *gnit*, *gnid* 'мелочь, мушка', нов.-в.-нем. *Gnitze* 'мушка'. В словенском сохранилась другая семантическая группа с этой основой: *ugnida*, *ugnjida* 'гнойный чирей', *zagnida*, *zagnjida* 'червяк, заногтица'. Следовательно, чеш. *hnisati* 'гноиться' можно вывести из **gnidasi*, а не из **gnejsati*, как думал Махек³⁸. Этим образованиям соответствует лтш. *gnide* 'шероховатая, чешуйчатая кожа', с другой огласовкой нов.-в.-нем. *Gnatz*, *Gnäzte* 'strup, сыпь на коже'. При всем этом можно усомниться в том, что общеслав. *gnida* 'lens, гнида', действительно, из и.-е. **ghneidh-*.

Конечно, такие случаи, число которых можно было бы увеличить, не снижают ценности словаря Скока, который дает в распоряжение славянской лексикологии богатый материал для ее дальнейшего развития. Внимательный исследователь найдет в нем тысячи слов не только сербохорватских, но и словенских, а также из других балканских языков, которые выписывались Скоком в течение всей его плодотворной жизни из различных диалектологических исследований, из исторической литературы областей и записывались даже во время его собственных путешествий. Поскольку источники не всегда специально обозначены, проверка, конечно, затруднена, но небезуспешна. Вполне понятно, что в таком богатом словаре, где довольно много оригинального и новаторского, не все связи будут приняты научной критикой.

Помимо богатого лексического материала, Скок в своем словаре обильно привлекал примеры из области ономастики. Самостоятельных ономатических слов-статьей, правда, не так много, значительно больше различных названий в самом тексте. Специальность Скока — предславянские субстратные имена. Лишь изредка он забывает обратить внимание на славянские топонимические основы, но не пренебрегает даже фамилиями. К сожалению, весь этот материал станет доступным только при наличии индексов, часто он приводится только как доказательство определенных грамматических субSTITУций в таких словарных статьях, где трудно ожидать появление этих примеров. Возможно, кто-то упрекнет Скока в том, что западная часть сербохорватской территории в плане топонимики несравненно более полно охвачена и обработана, чем восточная. Но это только отражение тех источников, которые были в распоряжении Скока в то время.

Нововведением Скока, по сравнению с прежней практикой, являются суффиксы. Большинство этимологических словарей не рассматривает отдельных словообразовательных элементов, за исключением некоторых особых случаев. Скок посвящает отдельную статью каждому суффиксу, который играет какую-либо роль в сербохорватском словообразовании. Исследователя субстрата и адстрата всегда живо интересовал процесс контаминации славянских и неславянских словообразовательных средств. Этой проблемы он касался в ряде своих работ, пытаясь выяснить, в какой степени можно полагаться на лексический состав слов особенно в сомнительных случаях, когда отпадают все другие критерии для отделения адстрата от славянского наследия. На первый взгляд трудно судить, в какой степени ему это удалось. Суффиксальные статьи занимают значительную часть словаря, они поданы

³⁸ Machek², стр. 172.

сжато и интересно, но при этом слабо подчеркиваются функциональные оттенки. Трудно, напр., поверить, что в с.-хорв. *hvalisati* 'хвастать, чрезмерно хвалить', которое представлено только на северо-западе, действительно, греческий суффикс *-isa* (у Скока в статье на *hval*). Так же трудно поверить Плетеरшику, который утверждает, что словен. *hvalisati* заимствовано из сербохорватского. Это только один пример славянского интенсива на *-s*, и функционально он существенно отличается от восточного типа, ср. *telefonisati*, совершенно неизвестного не только словенскому, но и сев.-зап. части сербохорватского языка.

Несомненно, словообразовательный анализ Скока ждет еще своей оценки, эта область в своих крайних результатах стоит несколько далеко от этимологии. Наибольшее внимание привлекают из этой области такие параллели, как напр., словен. *žival* f., род. п. *živáli* 'животное' при лит. *gývolis, gyvuljš* то же. Но специалистам других направлений предоставляется решение вопроса развития отдельных суффиксальных типов, их продуктивности и функциональной нагрузки.

Кратко и сжато можно подчеркнуть, что этимологический словарь Скока является ценным вкладом в славистику, открывающим новую эпоху в славянской лексикологии. В работе этого рода, выполненной одним единственным автором, Скок достиг вершины возможностей. Словари более полные и большего объема станут плодом коллективного труда. Желаем, чтобы как можно скорее вышли другие части словаря и, конечно, индексы, которые облегчат использование словаря в разных целях. ЮАН в Загребе мы рекомендуем уделить серьезное внимание корректурам, которых не мало в такой работе, предъявляющей высокие требования. Опечаток в I томе осталось больше, чем может вынести без ущерба подобное издание.

Франце Безлай

Перевела со словенского

Л. В. Куркина

«A magyar nyelv történeti – etimológiai szótára». Főszkerkesztő Béla
kő L., szerkesztők Kiss L., Rapp L. II. kötet (H–O).

Budapest, 1970, 1107 стр.

С выходом в свет этого II тома публикация нового большого академического «Историко-этимологического словаря венгерского языка», рассчитанного на три тома, перевалила через середину. Настоящий том II развертывает перед читателем дальнейшую панораму исторического и этимологического исследования следующего большого отрезка венгерского словарного состава. Все высокие качества опубликованного в 1967 году I тома неизменно (вплоть до деталей) характеризуют новый том, появившийся в безуказанным полиграфическом виде и в образцовом соответствии с запланированными издательскими сроками. Не повторяя здесь общих оценок, уже высказанных в разборе I тома, отметим лишь тот совершенно очевидный факт, что издание этого историко-этимологического словаря приобретает значение большого события в мире культуры и науки. Международной важности этого события не умаляет даже венгерский языковой барьер. Будучи глубоко отличным от окружающих его индоевропейских языков, венгерский язык, тем не менее, с давних пор существует во взаимодействии с ними и в результате, несмотря на некоторые противодействующие тенденции, стал европейским языком, выработавшим серию лексических и семантических европеизмов. Этот материал поучителен для тех, кто интересуется проблемой культурных и языковых интерференций между народами Европы. Эта сторона (заимствования и словообразовательно-семантические кальки) разработана составителями словаря